

Портрет написан единым напряжением воли.

«Как бы хотелось писать картины не красками, а единым напряжением воли!»

Какая нетерпеливая сила в словах художника, какое страстное желание передать, почти мгновенно, свое творческое вдохновение — зрителю, другому человеку! Подарить и снова — «увидеть». А вера в неисчерпаемость своих видений — безгранична. А отношение к таланту — как к рабочему инструменту, автомату: могу «заказать голове картину»...

С молодых лет Кустодиев плакался о силе воли — главном, «чего и недостает мне». Он себя не знал. Пришла большая беда, не пришла — злым коршуном налетела, согнула до земли, а он выпрямился, растоптала было, а он встал, встал и удивился — жизнь приятна ему пуще прежнего: «просто вот рад тому, что живу, вижу голубое небо и горы»...

И когда «Портрет Шаляпина» закончил — удивился: да я ли смог?

Человек с парализованными ногами, опутанный болью, сумел вырваться из себя, прикованного к креслу-каталке, ринуться в поток могучего творческого порыва и взлететь. А по ночам снились кошмары: черные кошки раздирают позвоночник. Вот какая прихвостила боль — черная. На грани жизни и смерти понял: спасение только в работе. Почувствовал всей душой, всем телом: погибаю — когда однажды, после операции, запретили рисовать. А нарушил запрет — и воскрес: белый живой свет хлынул из окна. С той по-

Комиссия правды г. Москва 23 мая 1976

ПОРТРЕТ ШАЛЯПИНА

ры Кустодиев трудился иступленно: по двенадцать часов в сутки. Когда бесконечно устал — погуб.

Что говорить о мужестве, о силе воли, о героизме, когда к нему, калеке, друзья приходили в минуту для себя горькую, чтобы «унести... запас бодрости, умиления и веры в жизнь»? Бодрости — ладно, что еще оставалось, как не бодриться, но вот умиления... Умиление — слово ласковое, словно к тебе прикасается что-то пушистое. Умиление — слово высокое, душа раскрывается навстречу самой малой красоте и приветливости. И слушаешь свою душу. Умиление требует особого расположения духа, здоровья, счастливой беспричинной полноты. Глянешь на окружающий мир — и как хорошо! Как славно! Но ведь не стало счастливой полноты... Процедуры с утра, тяжелое вставание, «внедрение» в кресло: по крохам, в кулак собиралась та самая воля, которой будто бы не было. Бралась в руки кисть — приходило умиление. И его еще хватало для других! Кустодиева называли «невероятным явлением».

Портрет написан любовью.

Они любили друг друга. И если один жалел другого, то второй ему не завидовал. Одного почитали чудо-артистом, а второго — богатырем русской живописи.

О Шаляпине говорили: «Эпоха, как Пушкин». А Кустодиева за серию картин из русской жизни сравнивали с Московским Кремлем. Россия без Кустодиева — как без Кремля. Каково сравнение!

Две могучие силы соприкоснулись — вспыхнуло вдохновение. Возникли прекрасные декорации к опере «Вражья сила»; оттого, может быть, ярче спел певец партию Еремки... И родился портрет Шаляпина — среди 130 изображений великого артиста в живописи и скульптуре — один из лучших.

Кустодиев сам сконструировал приспособление: на потолок — блок, через него веревка с грузом, вот и верти полотно в любом направлении, ближе к своему креслу, дальше, в сторону... Приходилось работать, задрал голову вверх.

Два с половиной месяца отданы портрету.

...ШАЛЯПИН на заснеженном пригорке, а вдали, внизу, шумит широкая масленица. Неспokoен Шаляпин, нетерпелив и энергичен, насыщен динамикой: «Движение мое неутомимое, беспрерывное...»

Себя ли слушает? На жизнь свою озирается? Может быть, сожалеет: удивляется: праздник и без него идет. По-прежнему ярмарочный силач штангу поднимает на балаганном помосте. И мчатся сани, и карусель вертится, и вьется над ней, как кисть над кивером, яркая гроздь разноцветных шаров...

А клоун — не Яшка ли Мамонов, ко-

му в детстве Шаляпин отчаянно завидовал, кем восхищался...

Ба! Да вон и афишка. Возвещает о гастролях Шаляпина — он приехал петь в этом городе. И дочери его идут: Марина и Марфинька, а с ними друг — секретарь Исая Дворицин. Все и образовалось. Вначале художник так и хотел назвать картину: «Ф. И. Шаляпин в незнакомом городе».

Ярмарка цветастая, хохочущая — обычная кустодиевская «веселая» драка красок, как метко заметил А. Бенуа, — на обычном знаменитом кустодиевском снегу, где ни соринки, — взрывается радостью. Ах, какой это ликующий снег — драгоценные камни набрось горстями, — ничто с ним в сравнении. Бело-голубовато-розовое, свежее, дымчатое, хрустящее, искрящееся, переливающееся, желанное зазора, песни, поцелуя, шутки. Что ни миг — у снега иное настроение. Чем не фон для столь чувствующего «свою интонацию» Шаляпина? Утверждают: таким, органично соединенным со своей декорацией, увидел художник певца в опере. Но сын вспоминает и о первой встрече отца с артистом, еще до спектакля. Когда художник сказал о таком портрете, каким мы его знаем.

Кустодиев сразу «увидел» своего Шаляпина. Увидел зимой, когда мороз бодрит, и гулянье от морозного поджита отчаянней и звончей.

Репин хотел написать Шаляпина барином. Он и здесь смотрит барином, нет, скорее вельможей, вельможей от искусства, владыкой сцены... А приоткрылся повнимательнее: это же Федька Шаляпин из казанской Суконой слободы. Хотел и поднялся высоко, а опасается — не в свои сани забрался, вдруг что — и поидет все кувырком... Только представляется вельможей. А стряхнет с плеч шубу — не Мефистофелем окажется вятский крестьянин, грянет «Дубинушку» — тогда сойдет с шаляпинского лица неспокойное напряжение... Дрогнет все вокруг от «песенной хмели», еще нестойкой завертится балаганное веселье, резвее помчат кони, искрометнее засверкает карусель, и толпа на снегу замрет, восхищенная... Ай да Шаляпин! Ай да силушка! Ай да молодец-удалец!

Человеком работы-игры показал Кустодиев артиста: «похожий портрет... который внутренне похож...»

К этому времени художник — признанный мастер, академик живописи, график, театральный декоратор, скульптор, его автопортрет уже как десять лет в прославленной флорентийской галерее Уффици среди автопортретов самых знаменитых мастеров Европы... Своими разоблачающими рисунками активно участвовал в революции 1905 года. Восторженно встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Читаешь его письма и удивляешься: как это он не

выздоровел в те дни, как не встал на ноги — такая поднимающая радость в строчках: «...Работаю запоем...»

Портрет написан в трудные для искусства двадцатые годы... Война, голод, разруха. Жесткое, неустойчивое время, которому, впрочем, искусство было необходимо, как хлеб и оружие. И шла опера в стынущем зале, и, греясь от печки-буржуйки, недоедая, писал Кустодиев свой лучший портрет, портрет-картину.

На его портретах — люди, сознающие себя. Именно сейчас, в эту минуту, понял суть свою Шаляпин, открылось ему, как в зеркало глянул. Потому и любил именно этот портрет — был там самый настоящий, каким подглядели его в одиночестве за кулисами.

С портретом Шаляпин никогда не расставался, может быть, в парижском кабинете разговаривал с прежним Шаляпиным, только русским, не захвачанным мировой славой.

В портрете-картине художник изобразил и свою страну детства. Навсегда остались с ним карусели, шары, балаганы, шарманка, нырянье под пароходы... Пестрый астраханский мир. Даже болезнь не превратила его в солидного Взрослого. Когда принесли показать театральные марионетки, играл с куклами, как ребенок. Страна детства была родной и Шаляпину. Тому, например, ничего не стоило, придя в гости, встать на четвереньки и медведем зарычать на перепуганную собаку... Артист приходил к Кустодиеву, они вспоминали Волгу, которую любили трепетно и на которой выросли, пелили волжские песни.

Все их соединяло: Волга, музыка, театр. Кустодиев: «...Ромео и Джульетта!», «Ромео и Джульетта!», «Ромео и Джульетта!... Я несколько раз умирал в театре!»

Так он любил театр.

Играл на цитре, на рояле — всего «Евгения Онегина», «Русалку», «Демона»...

А Шаляпин — «старая театральная муха», равно гордился тем, что и лампы в театре чистил, и Бориса Годунова играл. Его последние слова: «Где я? В театре?»

Портрет написан как воспоминание, знак общей памяти и душевной щедрости. Замечали в Шаляпине «особенную нежность», когда заговаривал о художнике. Был он верным товарищем: таская немощного на руках с четвертого этажа, добывал машину, привозил в театр и снова, на руках, — в ложу.

Сам приход Шаляпина — праздник для художника: врывался огромный, распахистый, насыщенный музыкой и красками мир...

Поэму о человеке творящем, воспоминание о детстве, крик преодолимой боли, гордость свершения — соединил портрет.

В. ЛИПАТОВ.